

БИТВА ЗА ИСТОРИЮ

I

Сервантес надеялся, что лживых историков будут преследовать как фальшивомонетчиков. Когда-то это еще будет, а пока нужно самому научиться отличать фальшивку от подлинного исторического свидетельства. Иначе вот такие ответы на экзаменах по истории станут нормой: «Помещики устраивали облавы на крестьян, потом к ним присоединились большевистские комиссары». И такой предстает наша история в глазах российского школьника 2013 года.

Надо ли предупредить аудиторию о том, что сегодня, как никогда, именно на постсоветском пространстве, политические и государственные новообразования ищут свою родословную, а не находя в прошлом необходимых опор, додумывают, придумывают, интерпретируют в интересах современной политической и геополитической конъюнктуры.

В сущности, ничего нового. После восшествия на престол лукавого и увертливого врага Бориса Годунова, Василия Шуйского — Василия Четвертого (1606—1610), понадобилось дать историческое обоснование этому событию. Поступили просто. Взяли, как говорят на собраниях, «за основу» «Предание о том, как сел на престол Федор Иоанович», и, переставив знаки «плюс» и «минус», ненужное зачеркнули, подчистили, нужное прибавили. Получилось «Предание о том, как сел на престол...» на этот раз Борис Годунов, неопровержимо доказав, что его появление на царстве — прямое следствие волшебства, колдовства, магии и деловых сношений с нечистой силой. Будем помнить, что в ту пору к написанному пером относились с таким же доверием, как к сообщениям ТАСС в более поздние времена. Достоверность написанного не подлежала сомнению.

По той же самой схеме — подчистили, прибавили, поменяли «минус» на «плюс» — недавно нам было преподнесено «Предание о блистательном флотоводце». «Блистательный» даже кораблем 1-го ранга в жизни не командовал, за полгода его командования флот понес потери неизмеримо большие, чем противник от его мин на Балтике, ни одного морского сражения не выиграл, но преданно любил чужую жену. И это чистая правда. И это главное. Об этом и фильм. Мы к нему вернемся.

Переписывание истории — это наглядное свидетельство как раз битвы за историю.

Почему так долго держалось «единственно верное» учение о том, что Земля стоит на трех слонах, а слоны на китах, а киты еще и на черепахе? Ответ прост, как в любом расследовании, спросите, кому это выгодно. Жрецам, придумавшим эту славную сказку, она давала власть и доход. При том, что Эратосфен, кстати, глава Александрийской библиотеки, измерил окружность Земли с погрешно-

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

стью менее 10 % в III веке до нашей эры! Но выгоды от этого знания никто не видел. Пришло время, и люди сообразили, что выгоднее, с практической точки зрения все-таки считать Землю круглой, а не плоской, и про трех китов и слонов стали забывать.

В Болгарии понятие «турецкое иго» было одним из краеугольных камней новейшей истории. Но и краеугольные камни при наличии достаточных средств можно двигать в нужную сторону. Экономически слабая Болгария сегодня все больше и больше становится зависимой от Турции. Турция не только в болгарской экономике, но и в средствах массовой информации обретает ведущие позиции. И вот уже болгарские историки пишут вместо «турецкое иго» — «турецкое присутствие». Сколько было уничтожено болгар за время этого «присутствия», продано в рабство, сколько было уничтожено христианских храмов, говорить сегодня не принято.

Я был с лекциями в университетах Великобритании, в том числе и в университете города Свонзи, графство Уэльс. Гостиница стояла на берегу моря, вечером на горизонте я увидел огоньки. Спросил моих университетских коллег: «Что там? Корабли? Маяки?» Ответ меня огорошил: «Там — Англия». И сказано было таким тоном, каким говорят о чем-то малоинтересном, не стоящим разговора. Я имел глупость спросить: «А мы где?» И услышал в ответ: «Мы? В Уэльсе!» И сказано было так, что никаких сомнений относительно того, где центр Вселенной, быть не могло. Анекдот? Ничуть не бывало. Я имел неосторожность и в Глазго произнести: «У вас в Англии...» и увидел вопросительные выражения лиц. Явно эти люди слышали, конечно, что такая страна есть, но где расположена, точно сказать не могут. Таким образом, мне дали понять, что для шотландцев «Англия» находится, скорее всего, в другом полушарии.

А вот еще история. 1953 год. Нобелевский лауреат Уильям Фолкнер на встрече с японскими студентами в Токио, не моргнув глазом, сообщает о том, что в США война Севера и Юга еще не окончена. Преувеличение? Но в 2011 году мне случилось быть на родине Фолкнера в городке Оксфорд, штат Миссисипи. Мне показали университетский кампус со следами огня на стенах, где год назад шли побоища как раз на сюжет войны Севера и Юга. Еще одно, живое, уже неустное, свидетельство тлеющей, но все еще не угасшей войны, то ли недописанной, то ли перевернутой страницы истории. Перед мэрией Оксфорда стоит памятник герою Гражданской войны в форме конфедерата. Все равно, как если бы у нас во Владивостоке вместо памятника красноармейцу в советское время стоял памятник белогвардейцу. Кстати, в Оксфорде на флагштоках перед мэрией гордо реет рядом с государственным флагом и флагом штата, нелегитимный, запрещенный флаг конфедератов, флаг проигравших войну южан.

Остров Готланд в Балтийском море был датским, немецким, норвежским, шведским и даже русским, правда, недолго, во времена наполеоновских войн. Чей он? Наивно думать, что на этот вопрос ответит история. Чей остров Манхеттен? Исторически — он принадлежит индейцам. Что из этого следует? Только то, что доход с казино в индейских резервациях идет на «социалку» бывшим коренным жителям Северной Америки, и больше ничего.

Почему я говорю не о вхождении Грузии в Российскую империю, не о возвращении Крыма в Россию, не об Изборске и городке Пыталово, историческая принадлежность которых России иступленно оспаривается эстонскими историками. Не говорю, не потому что это не интересно, а потому, что хочется показать: битва за историю идет по всему свету. Это самая продолжительная, никогда не прекращающаяся война, с временными перемириями, как правило, лишь с затаенной враждебностью.

Сегодня, когда государства, партии, неофициальные и подпольные организации располагают средствами массовой атаки на мозги граждан, становится злободневным вопрос о том, как выработать противоядие от насилия над нашими головами, хотя бы в одной области, в области собственной истории,

Итак, «битва за историю». Что же дает мне право, не будучи профессиональным историком, вторгаться в область исторического знания?

Дело в том, что не я вторгаюсь в историю, а история, изготовленная не для просвещения, а для необъявленных целей, вторгается в меня, хочет мной овладеть.

Я вправе защищаться теми средствами, уж какими располагаю, или, по крайней мере, предохраняться от фальсификаций, независимо от того, какими намерениями они, эти фальшьистории, продиктованы. Есть исторические сказки, заполняющие пустоты, отсутствие сколько-нибудь достоверного знания. Прекрасно. Но при этом желательно помнить, что те же летописцы зачастую дошедшие до них предания выдавали за факт.

Здесь уместно вспомнить любимый девиз Маркса: «Все подвергай сомнению». Применительно к историческому знанию рекомендация весьма полезная. Точные даты правления наших первых Рюриковичей, условно Олега и безусловно Игоря, не известны, но то, что им обоим летописи приписывают именно по 33 года правления, напоминает былинный зачин — тридцать лет и три года!

II

О, сколько нам открытий чудных преподносит пресса, телевидение, радио, не говоря о книгах, кинофильмах, лекторах и проповедниках.

Здесь я вспоминаю способ кормления детей в бедных крестьянских семьях. Старуха своим беззубым ртом нажевывала хлеб, потом выплевывала это нажеванное вперемешку со слюной в тряпку, тряпочку завязывали в этакий узелок и этот узелок давали младенцу сосать взамен молока и каши. Кажется, этот нищенский продукт назывался «жевки». Вот и нас с вами кормили, кормят и будут кормить в вопросах истории как раз «жевками». Можно, конечно, удивляться, но у публики вырабатывается даже вкус к такому питанию.

Вкусить «жевки» популярного эстрадного историка собираются аудитории в залах и еще большие у телевизора. Он же так много знает и про Моцарта, и про Сталина! А докладывает артистично, вдохновенно и прямо как очевидец! Поскольку речь идет об обращении к огромной аудитории, есть смысл чуть задержаться на этом участке фронта в битве за историю.

Воспитывает умы, как известно, не только историческая правда, но и историческая ложь.

Для примера.

Популяризатор истории открывает публике глаза на кучку заговорщиков и авантюристов, поименовавших себя «Народной волей». Вдоволь поглумившись над зловещим «Исполнительным комитетом», почтенной публике сообщается о том, что народовольцы, узнав, дескать, Александр Второй едет подписывать конституцию, решили его убить.

Почему?

Да потому, что при конституционном строе (!) «Народная воля» и зловещий «Исполнительный комитет» утрачивают смысл, а главное, власть над умами и людьми в обществе. Серьезное, оскорбительное обвинение в политическом карьеризме, замешенном на невинной крови.

Но историк почему-то забывает сказать внемлющей публике, кто сообщил народовольцам, хотя бы Софье Перовской, поскольку Желябов уже арестован, и она взяла дело в свои руки, о том, с какими намерениями едет государь император к себе во дворец после воскресного развода караула в Манеже. Кто доложил народовольцам о конституции, которую, наверное, читал всезнающий историк, но о которой еще ни сном ни духом не ведает ни государь император, ни его наследник, ни его любимый министр внутренних дел Лорис-Меликов, авторы этой самой якобы «конституции».

Когда-то еще император поедет «подписывать конституцию», а народоvolьцы загодя рыли подкоп в Подмоскovie под железной дорогой, подорвали «свитский» поезд. Царь уцелел. Стали рыть подкоп под Малой Садовой в Санкт-Петербурге, по которой частенько ездил государь, заложили четырехпудовый фугас.

На день «подписания конституции»?

У «мастеров» в карты, они деликатно именуют себя «исполнители», есть такой прием, называется «дёржка», когда одна карта подменяется другой. «Дёржки» бывают разные — «ласточкин хвост», «салат „весна“» и т. д. Здесь же «дёржка» называется «конституция».

Императору был вынесен приговор и приведен в исполнение. А вот когда, почему, по каким причинам, по каким мотивам, лучше всего узнать все-таки не у лектора, а у самих заговорщиков. Вполне обстоятельно, недвусмысленно, внятно в ходе судебного процесса и Желябов, и Перовская, и Кибальчич изложили причины, вынудившие, как они считали, начать «охоту» на государя.

Да можно ли им верить?

Желябов был арестован до покушения, его обращение в суд ясно говорит, какого склада это были люди. Из тюрьмы он писал прокурору Судебной палаты: «Было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно (!) покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. А. Желябов. 2 марта 1881 года».

Многократно покушался... И все из-за опасения: вдруг царь учинит конституцию и дело «Народной воли» пропало?

Предложения Лорис-Меликова, изложенные в его «всеподданнейшем докладе» императору 28 января 1881 года, были только первым очень осторожным шагом к расширению возможностей диалога общества с властью, а не собственно конституцией. Речь не шла об ограничении самодержавия законом, который был бы выше монарха, или о создании парламента и выборах депутатов.

О том, что собирался подписывать 1 марта 1881 года Александр Второй, известно.

Читаем. «Благодаря ему (Победоносцеву. — М. К.) провалился проект зачатка конституции, проекта, составленного по инициативе графа Лорис-Меликова и который должен был быть введен накануне ужасного для России убийства императора» (Витте, Восп. Т. 2. С. 260). «Проект зачатка» — хорошо сказано! Даже не самое зачатие! Витте не очень точен, сообщая, когда был провален «проект зачатка конституции». Подробности едва ли публиковались, и ошибка извинительна. И уж совсем непонятно, как этот «зачаток» мог быть введен «накануне», если император только еще собирался его подписать.

Едва ли случайно настоятельно внедряемые в общественное сознание сведения о том, что же государь «ехал подписывать», не сопровождаются предъявлением документа. И кто сказал, что именно 1 марта государь собирался окунуть перо в чернильницу и даровать подданным конституцию? Известно, что на 4 марта 1881 года государь император Александр Второй назначил совещание, на котором

представители верховной власти должны были решить судьбу предложений Лорис-Меликова, составленные при участии тогда еще наследника, Александра Третьего впоследствии. Ежели царь собирался 1 марта подписать «конституцию», так чего еще обсуждать? В самодержавном государстве был порядок, воля государя выше закона.

А принявший царствование император Александр Третий как раз совещание с высшими представителями власти 4 марта провел, как и было намечено погибшим императором. В этом был даже определенный символический знак — царство великого реформатора продолжается! Царь умер, но дело его живет.

Заседали в Малахитовом зале, окнами на Петропавловскую крепость и собор, где стоял гроб с еще не погребенным императором. В Малахитовом зале идет вполне деловое обсуждение, и вроде не собираются хоронить предложения Лорис-Меликова. При голосовании «за» проект выступили девять участников совещания, «против» проголосовали только пять. Да, действительно, кликушеская речь Победоносцева изрядно напугала нового самодержца. И Александр Третий отрекся от своего детища, то есть, говоря словами Витте, участия в «зачатии». А зачем голосование? Да была надежда, что проект провалит большинством голосов. Недобрые дела всегда лучше делать чужими руками.

Почему-то нашему историку не важно, что там собирался подписать государь император, что обсуждали мужи совета, за что проголосовали большинством, важно всех этих народовольцев в глазах доверчивой публики изобразить террористами, интриганам, политическими карьеристами — кем там еще — вовсе не думающими о благе народа и России. Ох, уж эти Желябовы, Перовские, Кибальчичи!.. Мало, что их царь повесил, так еще и от себя историк решил затянуть веревку потуже.

И действительно, историк прав, тем более что он, конечно, знал: ответственные казни, случалось, исполняли у нас из рук вон плохо. Вешали нельзя сказать нестарательно, но безответственно или неумело, что декабристов, то и народовольцев. Михайлов, к примеру, срывался с веревки два раза, только на третий раз «управили». По традиции, сорвавшимся с петли даруют жизнь, но не у нас, у нас и за гробом могут поддать.

Но вернемся к конституции. Как было бы интересно узнать, какого счастья лишили злодеи Россию.

Все правильно. Ехал государь во дворец и мог через три дня и подписать... Но что? Проект включения представителей с мест в редакционные комиссии, обладавшие лишь совещательным голосом, при Государственном совете. И это конституция?¹

Знал ли историк о том, что не было никакой «конституции», которую якобы должен был подписать царь, или не знал, значения не имеет. Важно, чтобы мы знали и понимали, когда нам подсовывают исторические «жевки».

Сегодня людям, владеющим Интернетом, можно легко узнать, кто такие народовольцы. Надо просто прочитать речи Желябова, Перовской, Кибальчича на процессе.

¹ Итак, Александр Второй, как огня боявшийся конституции, спрашивал у авторов этого проекта, Лорис-Меликова и наследника престола: «А не получится, как во Франции?» Дескать, включение выборных с мест в редакционные комиссии не создаст ли у нас парламент? Министр внутренних дел и наследник престола успокоили встревоженного государя. Какая конституция? Какой парламент? Нет, большая часть членов редакционных комиссий будет назначаться, так что выборные нужны только для того, чтобы знать о настроениях на местах. Не великое новшество, Русская земля и Земские соборы помнит. А-а, тогда другое дело, и царь-государь, отогнав призрак парламента, дал согласие подписать это еще одно порождение государственно-бюрократического организма. Вот в этом положении о составе редакционных комиссий Витте усмотрел «зачатки конституции». Тогда Земские соборы, созывавшиеся при первом Романове по любому серьезному поводу, вообще можно считать парламентом?

Можно познакомиться с их программой. Идеалисты, они долго уговаривали царя, по сути дела, ввести в России указом самодержца — социализм! Полезно прочитать речь и обвинителя Муравьева. Кстати, в детстве двенадцатилетняя Сонечка Перовская спасла тонувшего в пруду мальчика, который отправит ее на виселицу. Сюжет для Дюма или Войнич?

Цареубийцы не рассчитывали на помилование и для себя его не просили. Поражает удивительная стойкость осужденных и их страстная вера в собственную правоту. Идеалисты? Да. Террористы? Да. Вот и Гёте предупреждал: «Все идеальное служит революционным целям».

По прочтении только речей народовольцев на суде уже станет понятно, почему они с поднятой головой шли на эшафот, и станет понятно, почему царское правительство с тех пор избегало публичных казней.

Лев Толстой в своем обращении к молодому монарху напоминал о христианских заповедях, и публика ждала торжества милосердия... Не дождалась. Да, публичное убийство на Семеновском плацу не оправдало замысла постановщиков. Не зря же замечательный театральный режиссер Георгий Товстоногов говорил: успех спектакля лежит в зале, в нашей способности уловить его ожидания. «Постановщики» казни народовольцев не могли понять настроения в обществе. Как говорится, «страшно далеки они были от народа». Очевидцы говорят о страшной тишине, стоявшей на Семеновском плацу во время казни. Народ безмолвствовал. Снова. Как и у Пушкина. Публичные казни имеют давнюю традицию. В средние века в благословенной Европе, до которой нам все еще далеко, города покупали приговоренных к смерти в других городах, чтобы граждане могли насладиться четвертованием или на худой конец хотя бы судорогами повешенного. А вот «спектакль» с публичным удушением пятых террористов в Санкт-Петербурге, увы, провалился. Почему? Устроители не знали и не понимали настроения «зала».

А каким оно было, можно понять, прочитав в дневнике Суворина о его разговоре с Достоевским.

Достоевский говорил о власти общественного мнения, о странной и неодолимой власти настроения общества. — Вот, если бы вы, спросил Достоевский Суворина, случайно на улице услышали о готовящемся взрыве в Зимнем дворце, — пошли бы вы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились к полиции, к городовому? Вы пошли бы? — Нет, не пошел бы, — сказал Суворин, монархист, государственный, национал-патриот. — И я бы не пошел, — сказал один из самых известных в мире российских писателей, защитник «униженных и оскорбленных». Не пошли бы сообщить о готовящемся преступлении! Такое может быть только в глубоко больном обществе, где власть утратила право на моральное сочувствие.

И безусловно не сочувствуя террору, два глубоко православных, консервативной ориентации интеллигента так же были во власти этой «болезни», охватившей общество.

Но разбираться в непростой природе такого исторического явления, как «Народная воля», дело сложное, да и поймут ли «простые люди», книг не читающие, а сказано — интриганы, политические карьеристы, завистники, тут тебя и не вошедший в разум младенец, и выходящий из разума старик, все поймут.

«Провал» казни народовольцев власть каким-то там своим неведомым нам чувством все-таки уловила, с тех пор публичные казни прекратились, предпочли душить исключительно в застенках.

Бог с ней, с выдуманной «конституцией». История народовольцев, движущие мотивы их действий в какой-то мере даже рифмуются с делом декабристов. Александр Первый и Александр Второй вззошли на престол, искренне готовые к реше-

тельным преобразованиям. Общество, обманутое неисполнением обещанного, отреагировало появлением «тайных обществ», радикальной оппозицией. Прежде всего, оба «тайные общества» на самом деле были не такими уж и тайными. Знали о «Северном обществе» все, кто хотел, вплоть до государя. И о готовящемся шестом покушении на Александра Второго было *предчувствие* даже у его жены, княгини Юрьевской, она просила государя в то воскресенье не ездить на развод караула в Манеж. Вот и министр внутренних дел отрядил в сопровождение государю 1 марта не двоих, как обычно, а целых шесть конвойных...

III

Чтобы увидеть механизм, движущий исторические события, надо ответить на вопрос, что же не позволяло самодержцам, номинально обладавшим непомерной властью, не исполнять своих же намерений провести благие преобразования.

Есть все основания предполагать, что Александра Первого ждала бы участь его отца, попытайся он провести либеральные реформы, внушенные ему воспитателем генералом Лагарпом, коему государь, по собственному признанию, был «обязан всем, кроме рождения». А уж если бы попытался, как хотел, еще и крепостное право отменить... Да кто бы ему позволил! Отцу за меньшее череп проломили.

Сколько раз в России собирались отменить крепостное право? И Годунов, и Петр Третий, и Екатерина Вторая, не говоря об Александре Первом.

Да что там крепостное право, здесь интересы всего благородного сословия на кону. А вот простое дело: на переходе из Ревеля в Гельсингфорс в конце царствования настоящего самодержца Александра Третьего, осенью 1893 года утонул броненосец «Русалка», погиб весь экипаж, несколько сотен душ. Могущественный самодержец, славившийся своей «твердой рукой», повелел море тралить, броненосец найти, причину гибели объявить. И что же? Тралили, но не там, где погиб корабль. И представьте себе, ничего не нашли! О чем и доложили державному государю. Александр Третий принял ложный доклад морского министра. А потом признался великому князю Владимиру, что ему нагло наврали, и показал державным пальцем на карте, где утонул броненосец, а где его искали. «Почему не выгонишь за обман?» — спросил великий князь Владимир. «А где я других возьму?» — резонно возразил император густонаселенной страны. И не было у государя-силача, гнувшего пальцами и кочергу, и вилку, силы, чтобы заставить своих министров хотя бы в глаза не врать. Но морской министр Чихачев Николай Матвеевич покрывает министра путей сообщения, а тот отвечает ему взаимностью. А присягали оба, осеняя себя крестным знаменем, на верность государю императору, а не друг другу.

Так кому же реально принадлежала власть в государстве, увенчанном богоданной абсолютистской монархией? А принадлежала она, как и в стародавние времена, боярам, «жадную толпой» стоящим у трона.²

Отношения «князя и дружины» — это и есть история власти на Руси, в России на протяжении тысячи лет, да, пожалуй, и поныне. Чего стоит памятная всем «семибанкирщина», властвовавшая при «всенародно» избранном Ельцине.

Появлялись *князья*, бравшие верх над *дружиной*: хитроумный Иван Калита, мудрый Иван Третий, крутой Иван Грозный, безоглядный Петр Первый, но чаще верх брала *дружина*. И порвавшая кондиции Анна Иоанновна никогда бы на это не

² О непрекращаемом праве дружины «властвовать даже над самим князем, указывать ему, не выпустить из своей воли», очень убедительно пишет Иван Егорович Забелин в своем труде «Минин и Пожарский». «Русская симфония». Библиотека Академии наук. Санкт-Петербург. 2005.

решилась, не заручись поддержкой наиболее влиятельной части своего окружения. Это окружение и есть все та же *дружина*, менявшая свое обличье, но по сути оставшаяся все той же лукавой, алчной, эгоистичной, готовой на все ради своего блага. Забелин просто и точно определил нрав «ближайшей опоры самодержавной власти» — «это неизменное стремление *властвовать* над землею, а не *служить* земле».

IV

Особенно въедливыми бывают недостоверные сведения, закрепленные каким-нибудь анекдотцем или хлестким афоризмом, а то и впечатляющим художественным произведением.

Кто не помнит поговорку: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Кто только не повторяет сказку о закрепощении крестьян при Борисе Годунове. Дескать, до того крестьяне могли переходить от хозяина к хозяину осенью, в Юрьев день, а царь Борис Годунов это право отнял. И с той поры наступило неколебимое крепостное право. Желаящим узнать, до какой степени это неправда, достаточно познакомиться с лекцией под тридцать седьмым номером в курсе лекций по русской истории В. О. Ключевского.

Уводят от реального и, что самое важное, вполне достоверного и доступного знания по разным причинам. Есть заказная «история», обслуживающая кланы, партии, сословия, власть. Не всегда легко разобраться, где нас ведут на поводке тенденции, где историк заблуждается, а где оказывает услуги.³

Раз уж вспомнили Юрьев день и Годунова, хотелось бы спросить, сколько цитат помним из «Бориса Годунова» Пушкина? Уверен, много. «Зять палача и сам палач». «Жалок тот, в ком совесть не чиста». «Мальчики кровавые в глазах». «Последнее сказанье». «Да ведают потомки православных...» А ведают ли нынче потомки православных, сколько лет Россия прожила в благоденствии при правителе Годунове, начиная с царствования христоролюбивого богомольца Федора Иоанновича, когда правил фактически Годунов, да и в первые годы правления самого Годунова? Шестнадцать! Шестнадцать лет мирной, сытной, созидательной жизни после тягостного правления Ивана Грозного. Где еще мы наскребем 16 лет благословенной жизни в нашем Отечестве?⁴

Вот еще одна поляна битвы, где сошлись историческая правда и интересы сначала исходившего завистью боярства, а потом уже посланной, естественно, Небесами новой династии.

Но мы-то не бояре, не претендуем на престол, в дворцовых интригах не участвуем, и поэтому добро помнить нам ничто не мешает. Причастен Борис Годунов к смерти больного царевича или нет, дело темное, и одно и другое твердо не доказано. А уж в том, что царевич был подвержен падучей, Годунов точно не виновен.

³ Кстати, едва ли случайно сегодня слово «услуги» так возвысилось. Куда-то делось «народное образование». Появились «образовательные услуги». Было «народное здравоохранение», теперь нам оказывают «медицинские услуги». А за услуги надо платить! Чем же расплачиваются люди за историческую «лапшу»? Покорностью. Смирением перед лукавством служащих властям предержавшим.

⁴ Скажете, Алексей Михайлович Тишайший аж тридцать лет был на троне. Государь Тишайший, да век «бунташный». Огнепалый раскол, унесший тысячи жизней, крестьянская война Степана Разина, военные конфузии. Сколько жизней стоило восемь лет длившееся восстание, мятеж монахов Соловецкого монастыря, приверженцев старого обряда в православии. Восемь лет этой «зубной боли» государю! И, наконец, кровавая расправа над непокорными монахами, как раз в дни упокоения Алексея Михайловича.

Вот причастность Екатерины Второй к убийству мужа вроде бы и доказывать не надо. А о причастности Александра Первого к убийству императора Павла Первого напоминала сыну мать, вдовствующая императрица, в минуты гнева показывая ему окровавленную рубашку отца. Да, ту самую, в которой его постиг «апоплексический удар» золотой табакеркой, как говорят, в висок. И Александр Первый — несомненно Благословенный. А Екатерина во всех отношениях Великая, воплощение всех возможных человеческих достоинств и пример для подражания, которым воспользовались ее переимчивые подданные, когда пришел черед ее сына.

V

Так за что же Борис-то Годунов ходит у истории в пасынках, в потерпевших поражение, а те, у кого руки по локоть в крови, в почете и славе?

Неужели непонятно? Если признать за Годуновым достоинства, помнить шестнадцать лет, прожитых многотерпеливой Россией в довольстве и покое, если приглядеться к его странной смерти, то, не приведи бог, кто-нибудь спросит о зачинщиках Смуты, а то и о свирепой (жестокой и бесчеловечной!) расправе бояр с законным наследником и вдовой законного государя. Тут и новая династия на окровавленном троне может чувствовать себя не очень уютно.

Кстати сказать, на ободке под барабаном колокольни Ивана Великого в Кремле, строительство которой начато при Иване Третьем, а через сто с лишним лет закончено Борисом Годуновым, не без основания золотом написана здравица тысячелетнему царствованию династии Годуновых. Династию смели, надпись стереть забыли.

Не выпало Годуновым ни ста, ни трехсот лет, но и за краткий срок один из замечательных правителей России успел сделать очень много.

Сколько городов основано при Борисе Годунове? Можно вспомнить. Архангельск, 1584 год. За один Архангельск надо бы и в пояс поклониться да памятник на Двине поставить. А на Волге? Для укрепления линии от набегов черемисов — Уржум, Царев-Кокшайск, Цивильск. И дальше вниз по Волге: Самара (1586), Царицын (1589), Саратов (1590).

В Астрахани воздвиг каменные стены. Про «Большие стены» Перикла чуть не две с половиной тысячи лет помнят, а нас почему-то беспомысленность одолело.

Кстати, и южный рубеж Годуновым не забыт: возобновлены пришедшие в упадок Курск и Воронеж, основан Белгород (1596), а еще Ливны, Оскол, что-то наверняка упустил.

Но и это не все. Сибирь.

Все помнят про покорение Ермаком Сибири. Покорял, но как бы *недопокорил*, погиб в схватке с Кучумом. А кто заложил городок Тороч на Иртыше, ставший базой для разгрома Кучума, погубителя Ермака? Борис Годунов. А еще по его повелению основаны города и поныне известные: Тюмень, Тобольск, Томск, Салехард (Обдорск), Сургут.

Вот когда Сибирь стала нашей! При государе Борисе Годунове.

С такой же точно благодарностью мы помним (естественно, не помним!) о дипломатических победах Годунова.

То, что проиграл Иван Грозный в Ливонской войне, Годунов вернул главным образом дипломатическим путем. Это ли не величайшая государственная мудрость. Правда, государь Федор Иванович Блаженный, тихий богомолец, так вломил в 1593 году шведам, что после этого заключить двухлетнее перемирие, а потом

и «вечный мир» было, как говорится, делом техники, дипломатической, конечно. Годунов и ею владел отменно. Были возвращены потерянные Ивангород, Копорье, практически Карела. Литва сама искала прочного мира с Россией, Годунов выжидал. С терзавшим Россию крымским ханом Казы-Гиреем заключили вечный союз. Правда, для этого Годунов собрал и сам (!) повел в мае 1598 года полумиллионную рать к Оке, чтобы и этим вломить, да так, чтобы на долгую память. Шесть недель простояли лагерем, задорный хан так и не появился. Надо думать, хану разведка доложила точно: лучше не вылезать. А дальше уже в своем походном шатре бескровный победитель принимал ханских послов, передавших послание Казы-Гирея с предложением «вечного мира». А еще Годунов сумел наладить дружеские отношения с Англией, Константинополем, Персией, Римом и Флоренцией. Какое поле! И все это, не предавая интересов России! Кто еще из наших правителей был так же успешен на дипломатическом поприще?

Годунов пытался учредить университет, приглашал для этого европейцев, посылал дворянских детей в Европу...

Программа Годунова начнет (!) осуществляться только через сто с лишним лет!

Что же помешало? Смерть помешала, внезапная смерть, куда более странная, чем смерть царевича Дмитрия.

И как же эта смерть, затормозившая развитие страны на сотню лет, если не больше, как же вовремя она случилась. По щучьему ли велению, неизвестно, а вот по боярскому хотению, это точно. А как иначе понять все, что произошло сразу после смерти первого царя новой династии.

Новые претенденты на власть начали, как оно исстари ведется, и по сей день, с истребления памяти о так или иначе устраненном правителе, то есть с исправления истории.

Штрих. По повелению Бориса Годунова мастер Андрей Чохов отлил Царь-пушку. Она была установлена на Красной площади у Лобного места. Низвергнув имя и дело Годунова, воцарившиеся Романовы пушку уволокли и спрятали только потому, что в народе ее звали «Борисова пушка». И только в XVIII веке, когда Годунов как мудрый и деятельный правитель был предан забвению, когда имя его было прочно упаковано в криминальные мифы, пушку все-таки вытащили на белый свет, переименовали, очистив от неугодного имени, и сделали предметом национальной гордости.

Принято считать, что после смерти (заслуженной!) Бориса Годунова началась Смута.

А не стал ли Борис Годунов первой жертвой затеянной боярами Смуты?

VI

Мудрый историк Иван Егорович Забелин наглядно показал — Смута начинается прежде всего во дворцах. И последующий исторический опыт подтвердил справедливость типологии, открытой Забелиным. В дворцовой среде и приближенных ко дворцу сословиях ВСЕГДА существует тайное стремление «начать опасную и азартную игру в цари».

С чего начинается «игра»? С убийства.

Если законно избранный государь почил в бозе, тем более от подагры — чего прах-то тревожить, выкидывать из Архангельского собора, перезахоранивать на Лубянке в заштатном Варсонофьевском монастыре, да еще и без отпевания, как само-

убийцу? Кто же этой явной лжи поверит? Да никто, а возразить, как всегда, бывает страшно.

Тут же словно ждали и были готовы, бояре зверски расправились с законным наследником престола Федором Борисовичем, убили жену Годунова, дочь отдали в наложницы Лжедмитрию — вот нам в цветах и красках победа то ли «боярской демократии», то ли их же «коллективного руководства»! Видите ли, властолюбив был царь Борис. Зато обзавелись Лжедмитриями без счета, властью «Семибоярщины» насладились, призывали на русский престол и поляка, и шведа, за *отступное* пришлось расплачиваться и деньгами, и жизнями, и землями. От поляков еще и в 1618 году пришлось столицу защищать. А от шведов откупаться в 1634-м.

Изменническая власть бояр довела отечество до невиданного упадка. Дорого обходятся России неумные боярские похоти.

Народ на свои (!) деньги двинулся умирять буйство своих правителей, восстанавливать жизнь, разрушенную этим правительством.

По смерти отца, Михаила Федоровича, первого из Романовых на российском престоле, его шестнадцатилетний наследник Алексей Михайлович, вроде молодец не робкого десятка, а смертельно боялся принимать корону, то бишь шапку Мономахову, помня, как управились с Федором Борисовичем Годуновым, наследником неукорененной династии.

Да и первый Романов, всенародно избранный, садился на трон не без страха. И мать его, старица в Ипатьевском монастыре, Марфа Ивановна, так прямо пришедшим звать сына в цари и сказала: «Просите вы сына моего на царство, а у вас в боярских сердцах злоба вкоренилась, над царевичем Дмитрием, что учинилось! А царю Василью Шуйскому какое поругание сотвориша, насильством постригоша да кроволакателям полякам в руки отдаша. А сыну моему тоже будет... А сын мой еще во младых letech, а время днесь обуреваемо, яко волнами великими покрывается». Вот она — боярская власть глазами очевидца!

Читая ни с чем не сравнимую пушкинскую поэтическую трагедию «Борис Годунов», я еще с первого прочтения и во все последующие не мог понять, отчего умер Борис Годунов. От нечистой совести?

Нечистая совесть как клинический диагноз летального исхода? Вроде бы есть свидетельство, что у Годунова хлынула кровь изо рта, ушей и носа. Я не врач, но при апоплексическом ударе, по-нашему при инсульте, который был диагностирован, клиническая картина другая. Кровь из ушей и рта хлещет при переломе основания черепа. Такую картину можно получить, ударив человека бейсбольной битой по загривку. Темная история, темная. Да и была ли в ту пору в Кремле бейсбольная-то бита?

По сути дела, мы имеем дело с мифом о Борисе Годунове, оправдывающим тех, кто приложил руку если не к его смерти, то к его уничтожению.

Ну что ж, Борис Годунов не первый, чьи жизненные реалии принесены в жертву поэтическому замыслу. Как еще сказать публично о том, что правителю с нечистой совестью не место на троне? Не писать же про Екатерину Великую или Александра Благословенного. Вот и Ричард Третий, последний король Англии из Плантагенетов, не был таким уж уродом и выдающимся злодеем, каким он изображен у самого Шекспира. Уже в XX веке был проведен в Англии специальный суд, оправдавший невезучего короля. Может быть, и Годунову подать в суд?

Не так уж много у нас среди правителей строителей и возделывателей жизни, чтобы не помнить добра.

VII

Трудно найти ответ на вопрос, почему отечественная историография к иным преступлениям и преступникам относится со снисходительным расположением, других же, даже без убедительных доказательств, признает непростительными злодеями. Никто не признается, но на деле-то получается так, будто есть хорошие, *правильные* убийства для захвата власти и есть убийства *неправильные*, предосудительные и непростительные. Нам остается лишь почувствовать разницу!

Разница проста. Хороший людоед — это тот, который ест других. А плохой людоед — это тот, который хочет съесть меня.

По российским законоположениям младенец Иван Шестой Антонович самый что ни на есть законный государь, внук племянницы самого Петра Великого и генералиссимуса русского войска Антона Ульриха, каковой тоже племянник, но австрийской императрицы Елизаветы. Но Его трехмесячное от роду Величество было свергнуто и заточено через 22 дня после провозглашения императором. Заговор и дворцовый переворот, учиненный *дщерью Петровой*, Елизаветой Петровной, по всем статьям — государственное преступление. Но в оправдание ему звучат патриотические напевы. А 24 года заточения законного императора, с младенческих дней до «загадочного» убийства, это длящееся преступление, переходящее по наследству от царствования одной незаконной императрицы к еще более незаконной Софии Августе Фредерике Ангальт-Цербстской, в православии Екатерине Алексеевне. Но разве в глазах историков что-то может умалить очарование Елизаветы Петровны и величие Екатерины Алексеевны? Ну, а средства, примененные ими для расчистки пути к трону, всегда найдут достойных адвокатов.

Понятно хотя бы, почему дореволюционная историография фартила предприимчивым дамам, «всякая власть от Бога» и все такое. Но когда самодержавие само оказалось побежденным, почему же и в советское время, и ныне, во времена антисоветские, повторяются дореволюционные сказки, сочиненные для оправдания кровопролития в борьбе за власть?

Стоял у Екатерины на пути к трону муж, император Петр Третий, и надо же, какое счастье, пребывая под арестом, «скончался от желудочных колик». Впрочем, в письмах к своим конфидентам безутешная вдова по кончине мужа путалась в четырех диагнозах о причинах безвременной кончины супруга, там и «геморроидальная колика», и «воспаление в кишках», и, конечно, «апоплексический» удар, не назвала только одной причины — удушение дланью благороднейшего князя С. Ф. Барятинского.

Ну, удушили, путь свободен, и ступайте себе властвовать! «Всякая власть и т. д.» В добрый час! Но теперь будущей великой императрице не давала покоя тень Ивана Шестого, падавшая всего-то на стены каземата неприступной Шлиссельбургской крепости, и то изнутри. И надо же, какое своевременное несчастье! Не прошло и двух лет царствования государыни Екатерины Второй, как оказался убит прямо в тюрьме двадцатичетырехлетний Иван Шестой! Убит, представьте себе, собственной охраной якобы при попытке его освобождения! А несчастного Мировича, якобы пришедшего по собственной инициативе якобы освобождать злосчастного узника, приговорили к четвертованию. Чтобы лишнего не говорил, надо так понимать. Учинили скороспелый суд, вроде военно-полевого, а четвертовать на Сытном рынке начали с головы! Не по правилам, надо начинать с рук или ног, но бывают и исключения, ежели есть опасность, что с эшафота вдруг выкрикнет преступник несообразное последнее слово! Вдруг назовет «казачика», а то и «казачицу» ...

И в глазах счастливых победительниц никакие там ни «кровавые мальчики» в растревоженной душе, а прекрасно сложенные, мужественные, на все готовые фавориты, один краше другого, и все въяве!

VIII

Сегодня отечественный кинематограф посредством телесериалов *воздаст должное* царственным особам, в том числе и Елизавете Петровне, и Екатерине Алексеевне. Но их несравненные достоинства и дарования в одном случае нуждаются в уничтожении Ивана Шестого и его родителей, а во втором понадобилось создать для Петра Третьего и Павла Первого репутацию людей, совершенно непригодных для русского престола.

Особенно не повезло Петру Третьему. Но откроем книгу нашего современника, серьезного и честного историка Сергея Николаевича Искюля. Книга вышла в серии «Роковые годы России», «Год 1762. Документальная хроника». И когда историк *дал слово* документам, вдруг выясняется, как много значительных, сообщающих новое направление жизни в России дел успел совершить этот государь за полгода, отпущенных ему нетерпеливо рвущейся к власти женой и ее дружиной.

За одно прекращение войны, бессмысленной и разорительно затратной,obelisk в Ропше воздвигнуть!

«Вступление на престол нового императора (Петра III. — М. К.) ознаменовалось коренным поворотом в правительственной политике, который обернулся истинным благодеянием для большинства российских подданных», — читаем в помянутой уже книге С. Н. Искюля «Год 1762». В книге приводятся слова одного из первых беспристрастных исследователей недолгого царствования Петра Третьего, М. И. Семевского: «Этот государь, имя и дела которого так умышленно были доселе помрачаемы, совершил, так или иначе, бессмертное: он сделал громадный шаг к освобождению рабов российских; он освободил передовое русское сословие русского народа от зависимости, совершенно равной крепостному состоянию». Речь идет об Указе о вольности дворянства. В высшей степени логично. Пусть сначала господа сами-то от телесных наказаний отойдут, пусть сами перестанут быть холопами, пусть поймут, что такое свобода, пообвыкнут, а там уже можно и о свободе рабов подумать. Для шалопая и бездельника, каким изображают государя Петра Третьего, как-то уж слишком серьезно. Добро бы один такой акт, а то ведь — дальше больше. И вполне последовательно и логично, что никаким шалопаям не свойственно.

Чрезвычайно ценный сборник документов и прямых исторических свидетельств предъявлен публике, предпочитающей *натуральный* продукт, а не *жевки*.

Убитого изображают чуть не шутом гороховым, а он каждый день в Сенат ездил, не давал там спать радевшим о благе отечества боярам. За одно это, конечно, можно и убить. Когда убивали Лжедмитрия Первого, народу объяснили: после обеда не спит и в баню по субботам не ходит. И народ понял: «Нешто может быть природный царь, ежели после обеда не спит?»

Современники, а позже и Карамзин, считали указы Петра Третьего о вольности дворянства и ликвидации Тайной канцелярии, прекращении пыток при дознании и учинения смертной казни без ведома государя «славными и бессмертными». Звучит, как музыка сфер: «Тайная розыскных дел канцелярия уничтожается отныне навсегда, а дела оной имеют быть взяты в Сенат, но за печатью к вечному забвению в архив положатся».

Начальные дни царствования, и, пожалуйста, никаких «мятежей и казней», даже наоборот.

Разве можно не заметить исправления к тому времени уже столетней несправедливости по отношению к старообрядцам, «раскольникам», третируемыми и гонимыми христоролюбивой властью. Это государь император Петр Третий начертал: приравнять старообрядцев к иноверцам. А быть иноверцем не считалось за преступление. Да как же этот «шут гороховый» посмел посягнуть на право святой православной церкви гнობить непокорных исключительно по своему усмотрению! Только Первая русская революция понудит власть к постепенному возвращению еще уцелевшим старообрядцам право молиться и жить на свой манер. Но ни в 1905 году, ни в 1976-м, когда возвращались права старообрядческой церкви, Петра Третьего вроде бы не вспоминали.

А если вспомнить и попытаться осмыслить возможные последствия реализации указа Петра Третьего об уравнивании старообрядцев с иноверцами?

В стране получает возможность существование «альтернативной» православной церкви. У православного населения страны возникает возможность выбора! Идти ли в церковь, ставшую государственным департаментом, требующим соблюдать форму под страхом самого сурового преследования, хотя бы и «лицемерья» (реальный термин, бытовавший в пору проведения никонианских реформ!), или жить в нормах национальной традиции. Надо ли говорить о том, что лицемерие — первый синдром духовной деградации. Может быть, и падение авторитета казенного духовенства не стало бы неизбежным. Может быть, в итоге не полетели бы кресты с церковей при полном равнодушии основной массы населения. Трудно предугадать все возможные последствия исполнения исторического указа Петра Третьего, но спасение многих тысяч здоровых русских людей от преследований и жестоких расправ очевидно. Сама власть настраивала старообрядцев против государства Романовых. Надо ли удивляться тому, что капиталы успешных в делах приверженцев старой веры станут служить революции... И надо ли удивляться тому, что после победы февральской аристократии, «боярства XX века», официальная церковь легко поменяла прославление царя и царствующего дома, на аллилуйю Временному правительству.

Не случайно же наш великий историк Сергей Соловьев свидетельствует: «К сожалению, блюстительница народной нравственности, главная участница в народном воспитании — церковь, представляла неутешительные явления, которые ослабляли уважение к ее пастырям» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2014. С. 639).

А не могло бы такое «альтернативное» православие обернуться войной по примеру католиков и гугенотов? По-моему, исключено. Если даже жесточайшее преследование старообрядцев не породило такой войны, так почему же доброе к приверженцам старой веры отношение могло породить кровавую междоусобицу?

Скажут, а вот старoverы Пугачева поддерживали. Правильно, участвовали на добровольных началах в крестьянской войне Петра Третьего, за кого выдавал себя Пугачев. Так ведь Петр-то Третий их за людей считал, не хуже немцев и французов. Кстати, на знаменах пугачевцев двуперстия не было. Так что католики и гугеноты сами по себе, а у нас своя история.

Затронутый вопрос крайне непросто, консерватизм староверческой церкви тоже палка о двух концах. И тем не менее «конкурентная» ситуация, смею предположить, могла бы пойти на пользу обеим ветвям православного древа...

А Петр Третий еще и государственный банк учредил, о коммерции заботился, монастырские земли из управления монастырских служек отдал под управление отставных штаб- и обер-офицеров, упорядочив распределение дохода. Государь повелел, а Сенат приказал: крестьянам платить рубль, причем отдать землю, которую они прежде пахали на архиереев, монастыри и церкви... Надо думать, с лег-

ким сердцем проводили попы помазанника Божия в мир лучший. Разве разумный-то человек отдаст пахарю землю, его потом политую? Вот и объявили государя Петра Третьего чуть ли не дурачком.

И нынешние телесериальные историки преподносят почтенной публике все те же *жевки*, свидетельствуя о том, что «битва» за достойное место в нашей истории Петром Третьим проиграна вчистую.

IX

Каждая эпоха предъявляет спрос на созвучных времени героев. Уже в преддверии Великой Отечественной войны на экранах появились воины, герои и победители в Гражданской войне — Чапаев, Щорс, Пархоменко — и защитники, и создатели Отечества отдаленных времен: Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр Первый...

Новое время, реставрация капитализма, низвержение советской власти, потребовало поменять политический иконостас, реанимировать героев, проигравших в Гражданской войне и совершенно поспешно, недальновидно и высокомерно отправленных советской историографией, как любили выражаться, «на свалку истории».

Ответом на потребность времени стал фильм «Адмиралъ». Он должен был вернуть со «свалки истории» не только единственно правильное написание воинского звания своего героя, но и воздать должное блистательному флотоводцу и полководцу, беспощадному ревнителю блага Отечества, Верховному правителю России, вождю Белого движения Александру Васильевичу Колчаку.

У сочинителей *художественной* версии биографии исторического лица, разумеется, нет обязательств строго придерживаться реальных фактов, не для отдела кадров сочиняется фильм. Фильм сочиняется для того, чтобы воздать должное историческому лицу, почтить его память, вспомнить дорогие черты негнибемого патриота, несравненного воина, добросердечного отца и, главным образом, преданного любовника.

Одна из самых тонких, зыбких, подвижных границ в произведениях искусства лежит между художественным вымыслом и подчас совсем даже нехудожественными фактами, реальных биографий. Мастера искусства еще и мастера отбора. Это годится для главной идеи, а это прочь, не годится, высокую идею компрометирует. А если чего-то для убедительности главной идеи недостает в реальной жизни, можно и фантазии подпустить, в искусстве не возбраняется. Впрочем, плоды фантазии тоже разные. Золотые яблоки на яблоньке вполне поэтичны, а груши на вербе, как известно, вздор!

Фильм «Адмиралъ» сопровождался обильной, длительной и многообещающей рекламой. Обещали событие! Любовные драмы так не рекламируют. Есть все основания полагать, что создатели фильма о блистательном флотоводце и полководце решили дать бой тем, кто стал жертвой пропаганды минувших времен и сам не в состоянии оценить если не величие, то уж непреходящую историческую значимость и заслуги преданного своей же *дружиной* и уже потом расстрелянного большевиками Александра Васильевича Колчака.

Еще раз напомним, что фильм не диссертация и к оценке его достоинств, а может быть, и недостатков, нужно подходить, хотя бы сравнивая его с другими художественными произведениями. Почему-то на память приходит фильм «Незабываемый 1919», тоже кинокартина из времен Гражданской войны. Герой фильма — товарищ Сталин, Иосиф Виссарионович. И то, что ему, его полководческой мудрости и человеческой отваге Страна Советов обязана победе в Гражданской войне,

фильм доказывает исключительно *художественными* средствами, пренебрегая никому не интересной фактографией, и немножко любуясь своим тоже блистательным героем, правда, без белого кителя, золотых погон и сабли, но зато в кожаной кепке и на бронепоезде. Белый китель и золото появятся и у него, но позднее.

Создатели фильма «Адмиралъ» так же, как и создатели «Незабываемого 1919», были стеснены то ли отсутствием реальных воинских подвигов избранных к прославлению героев, то ли их реальные заслуги сочли недостаточным для вознесения в Пантеон славы.

Действительно, как бы ни воспевался Колчак в качестве гения минных постановок, но морские минеры, при всей значимости и опасности их труда, флотоводцами никак считаться не могут. Да и по минной части авторам фильма приходится по известной традиции прежних лет делать *приписки* к воинской славе Колчака чужих заслуг. К примеру, гибель немецкого крейсера, подорвавшегося на mine в Черном море. Увы, крейсер подорвался до появления блистательного и самого молодого командующего на Черном море. Да еще и главные минные постановки были сделаны в Черном море до краткого появления Колчака в роли командующего. Вот и главные победные операции Черноморского флота, тот же успешный набег на Анатолийское побережье, были проведены, когда блистательный Колчак был капитаном первого ранга на Балтике.

Можно сколько угодно украшать своего героя, но на флоте доблесть измерима, измеряется она тоннажем потопленных кораблей противника и тоннажем своих потерь, выигранными морскими сражениями и проигранными и т. д.

Колчак, «в нарушение прав старшинства», из контр-адмирала от 10 апреля 1916 года стал вице-адмиралом от 26 июня 1916 года и получил под командование целый Черноморский флот. После выпуска из Морского корпуса в 1894 году, за двадцать лет службы, Колчак дорос до звания капитан 2-го ранга! А за два с половиной месяца из контр-адмиралов шагнул, пардон, приплыл, аж в вице-адмиралы! Гений! Но коллеги вздрогнули, да он же кораблем 1-го ранга не командовал, не то что соединением тяжелых кораблей, опоры флота! Надо ли удивляться, что Черноморский флот как раз в пору командования поспешно испеченным вице-адмиралом Колчаком понес самые тяжелые потери за время войны.

Чего стоит гибель на севастопольском рейде, даже не в бою, флагмана Черноморского флота, новейшего линкора «Императрица Мария». 25 тысяч тонн водоизмещения. 1220 матросов и офицеров экипаж. Четыре трехорудийные башни 305-миллиметровых орудий главного калибра. 20 орудий 130-миллиметровых в бортовых казематах. Крепость! О, Колчак любил этот великолепный корабль, любил на нем ходить по Черному морю, ибо не было в его водах такого большого, мощного, грозного и неуязвимого корабля. Линкор «Императрица Мария» взорвался на глазах едва проснувшихся севастопольцев 7 октября 1916 года.

В этот час большая часть команды, пребывавшей на борту линкора, как и полагалось, собралась после побудки на корме для молитвы. В 6.20 утра ахнул первый взрыв в носовой части. Снесло боевую рубку, фок-мачту и даже переднюю трубу. Люди горели заживо. За час на корабле прогремело, по одним сведениям, 15, по другим — 22 взрыва. В 7.15 корабль перевернулся и целиком утонул. Колчак даже прибыл к месту катастрофы и давал указания. Но начинающему вице-адмиралу, может быть, и не понадобилось бы геройствовать, если бы у него на флоте был порядок.

Как же такая катастрофа могла случиться? Флагман Черноморского флота, новейший линкор, вступивший в строй в середине 1915 года, безвозвратно погиб в начале октября 1916 года. До сих пор его гибель — загадка. Потому и загадка, что не хотят видеть отгадку.

Обычно пребывание командующего на борту подтягивает экипаж, поднимает дисциплину, но, надо думать, не всегда. Командир корабельной артиллерии линкора «Императрица Мария» князь Руссов на следствии на вопрос, можно ли было беспрепятственно проникнуть в пороховой погреб, показал, что люк в пороховой (!) погреб (!) вообще не запирался (!) и войти туда мог кто угодно.

Шесть утра, полусонное время, большая часть команды на молитве на корме, в пороховой погреб на носу может войти кто угодно! Здесь хватило бы пронизательности даже не Шерлока Холмса, даже не доктора Ватсона, а миссис Хадсон, чтобы проникнуть в тайну гибели новейшего линкора.

А вот следственная комиссия с участием великолепного знатока морского дела вице-адмирала Колчака составила такую хитроумно-обтекаемую резолюцию, что она могла бы служить образцовым документом всем любителям «заводить рака за камень». 29 октября 1916 года, всего через три недели после катастрофы, следственная комиссия все выяснила и закончила производство. Вот их вывод: «Прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным. Приходится лишь оценивать вероятность этих предположений, сопоставляя выяснившиеся во время обстоятельств». Корявость языка выдает торопливость, с которой прятали концы в воду севастопольской бухты, на дне которой лежал убитый линкор.

А теперь вспомним. После разгрома нашего флота в Цусиме в преддверии новой войны «Императрица Мария» строилась в Николаеве с такой же поспешностью, как в Петербурге однотипные линкоры «Севастополь», «Петропавловск», «Гангут» и «Полтава». Их готовили к войне, но война для нас, как всегда, грянула «раньше намеченного срока». Не доведенные до ума корабли спешно отправили воевать. Одно время штаб Балтийского флота (адмирал Эссен) держал на линкоре «Петропавловск». Колчак служил в числе помощников адмирала при его штабе. Вот он и вспоминал на допросе в Иркутске, что линкор выходил в море, имея на борту по 300—400 человек рабочих! Додельывали, доводили, отлаживали то, что не было сделано на заводе. А «Императрица Мария»? Едва проплавав год, встала на ремонт. Каждый день на стоящий на рейде линкор доставлялись сотни рабочих! Разве можно за всеми уследить, особенно за теми, кто не хотел, чтобы за ним уследили? Даже в мирное время пребывание гражданских лиц на военных кораблях у порядочного командующего жестко регламентировано, а тут — война же идет! Но если признать, что среди сотен рабочих, имеющих доступ куда угодно, даже один оказался «не рабочим», нужно пойти и застрелиться или театрально выбросить в море хотя бы кортик. Поклонники оценят.

А чем командовал, на каких кораблях ходил блистательный флотоводец до этого? Эсминец «Пограничник», эсминец «Сибирский стрелок», водоизмещения 700 тонн и вооружения три пушки калибра 102 миллиметра.

Вице-адмирал, знающий морское дело как никто другой, просто и ясно объяснил, от чего взорвался линкор. От некачественного пороха в погребах носовой башни главного калибра! Дескать, во время войны качество пороха очень упало. Казалось бы, наоборот, но это у немцев качество пороха в войну улучшается. Кстати, что других случаев гибели боевых кораблей от собственного дурного пороха Колчак на допросе у большевиков не припомнил. Да и откуда было знать допрашивавшим большевикам, что на следствии артиллеристы погибшего линкора в один голос заявили: на корабль был поставлен качественный порох, и самовозгорание исключено!

Для лиц, не бывавших в погребах главного калибра, для государя императора к примеру, объяснение про порох в высшей степени достаточное. Его Величество даже утешительную телеграмму своему начинающему вице-адмиралу прислали. Но погреба боезапаса не склад и не камера хранения. Существует достаточно умная

и оснащенная приспособлениями система хранения взрывчатых веществ на боевых кораблях. От брошенного окурка не должны линкоры взлетать на воздух! Есть регламент — кому можно, а кому нельзя появляться в пороховых погребах. Есть система температурного контроля, орошения и т. д. Если на флагмане флота регламент не соблюдался, а система не работала, во что трудно поверить, так кто ж виноват?

Недолго пребывая в звании контр-адмирала, Колчак успел еще на Балтике покомандовать тремя эсминцами, в операции, проведенной контр-адмиралом П. Л. Трухачевым. Блистательный флотоводец и эрудит, великолепный полемист и непревзойденный знаток морского дела, если верить его панегиристам, рассеял (!) конвой рудозавозов и утопил корабль охраны, переделанный из торгового судна. Да, для помещения в Пантеон маловато. Да и на «флотоводца» не тянет.

Но было же командование, правда по замещению, кратковременное, зато успешное, минной дивизией! Была же операция в Рижском заливе, удостоенная ордена Св. Георгия 4-й степени! Зрители припомнят этот красочный морской бой. Но и здесь не хватило рассказчикам про Колчака его собственных подвигов. А как же, спросят восхищенные зрители фильма о Колчаке, героический бой броненосца «Слава» с береговыми батареями немцев в Рижском заливе? Еще пятилетний сынок Колчака спросит вернувшегося из сражения папу: «Ты их бил по-колчаковски?» Бой действительно был, только вел его командир броненосца «Слава» контр-адмирал Вяземский Сергей Сергеевич. Во время артиллерийской дуэли с немецкими береговыми батареями он был убит в боевой рубке. Колчака на броненосце не было. И какой же художественный жанр выдерживает приписывание подвига, совершенного реальным историческим лицом, другому историческому лицу? Своего рода историческое мародерство. Таким образом, на поверку получается, что бить «по-колчаковски» — это чужими руками.

Так «чужими руками» в пору отправления Колчаком должности Верховного правителя России были расстреляны то ли 8, то ли 9 человек, он точно не припомнил, из последних членов Учредительного собрания. Колчак в эти самые дни приболел и вроде был не в курсе дела. Расстрелы шли своим чередом. Когда его ввели «в курс дела», он повелел «приступить тотчас же к расследованию, кто виноват, по чьему приказанию и при каких обстоятельствах произошло это событие». На суде его спросили: «А в дальнейшем вы выяснили, какие меры были приняты к тому, чтобы были разысканы виновные?» — «Все это дело велось военным прокурором, я в это дело не вмешивался», — сказал арестованный, умеющий завести рака за камень. Военный прокурор, как показал подследственный, «выяснил факт и лиц, которые участвовали в этом деле, но выяснить, кем была поставлена эта задача, от кого происходило это распоряжение, установить не удалось». Правосудие «по-колчаковски». Кого расстреляли — известно, где трупы лежат — известно, на берегу Иртыша, кто расстрелял — известно, а вот кто велел убить — загадка. И здесь бы пригодилась чичиковская фраза из другого дознания: «Приходится лишь оценивать вероятность этих предположений, сопоставляя выяснившиеся во время обстоятельств».

Однажды рыцарственно прекрасный полководец заявил своему министру юстиции Тельбергу о недопустимости расстрела заложников. «В каком месяце это было?» — спросил на допросе председатель суда Чудновский. Речь шла о незабываемом 1919-м. «Я думаю, в апреле или в марте», — ответил Колчак, обладавший феноменальной памятью, судя по протоколам допроса, где Верховный правитель подробно рассказывает свою биографию и службу на разных должностях. «Разрешите напомнить о том, что в мае и июне расстреливали (так в протоколе. — М. К.) целую партию», — сказал председатель суда. Подсудимый смолчал. «Вы предложили Совету (национальному. — М. К.) обсудить вопрос о расширении прав командующих войсками в том смы-

сле, что за преступления, которые раньше не наказывались смертной казнью, было повышено наказание до смертной казни?» — спросил член суда Алексеевский. «Да, такие были распоряжения», — припомнил вице-адмирал. А вот о сжигании деревень распоряжения не было! Но преданные адмиралу войска воевали «по-колчаковски». Что это за война, лучше всего узнать у считавших себя нейтральными чехов, воевавших бок о бок с колчаковцами против красных. В ноябре 1919 года чехи опубликовали свое обращение к Союзному командованию — французам, англичанам и американцам:

«...Под защитой чехо-словацких штыков, местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избивание мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии, по простому подозрению в политической неблагонадежности — составляют обычное (!) явление, и ответственность перед судом народов всего мира ложится на нас: почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию...» И т. д.

На следствии Колчака спросят о выжженных деревнях. Правитель признается: бывало.

Слабонервные эти чехо-словаки, они ужасаются, думают, и весь мир ужаснется. У сочинителей фильма «Адмирал» нервы крепкие, и слышать не хотят ни о каких повальных порках, расстрелах, выжженных деревнях, кино-то про любовь. Ну, а если кто и наводил порядок на Волге, на Урале, где-то там, в Сибири, «по-колчаковски», так кому это интересно? Кстати, Малюта Скуратов, не нуждающийся в рекомендациях, был превосходным как раз полководцем и даже погиб в бою смертью храбрых. И отец был любящий, дочку свою хорошо выдал замуж за всевластного Бориса Годунова. Вот бы кино посмотреть про нежного отца! Пусть в титрах напишут, как нынче водится: идея такого-то и такого. Но от гонорара откажусь.

Пока еще рано судить, выиграли свою «битву за историю» вдохновители и создатели фильма о блистательном адмирале, или победа еще не полная. Но шаг к победе сделан! Вот и в нынешнем Санкт-Петербурге подхватили благороднейшую идею возрождения светлой памяти вице-адмирала Колчака, почти год возглавлявшего Белое движение. Но едва появилась мемориальная доска на Большой Зелениной, где он проживал, как ее тут же стали осквернять.

Впрочем, так же, как и мемориальную доску с барельефом Маннергейма на Шпалерной улице одни повесили, другие осквернили. Нет, не готов еще наш народ, особенно ленинградцы, а может быть, уже и санкт-петербуржцы, чтить память друга самого Гитлера!

Х

История — крайне прихотливая дама, одним она словно выдает сертификат, лицензию на одно-два, а то и тысячу-другую убийств, а другим, пребывающим на том же посту, и слезки ребеночка не забудут и не простят.

Впрочем, зачем далеко ходить?

21 сентября 1993 года первый «всенародно» избранный президент Российской Федерации подписывает памятный всем Указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Совершенно ясно, что такие «указы», антиконституционные, подписываются кровью. И была кровь.

Я был в эти дни в Москве. Утром был на Красной Пресне. Стоял за деревьями в Девятинском переулке, идущем от Садового кольца вниз, видел, как расстреливали

Верховный Совет Российской Федерации. Пули и у нас посвистывали. Добровольцы, под прикрытием пятящегося вверх КАМАЗа, выносили раненых к вызванным по телефону машинам «скорой помощи» на Садовом кольце. У посланных атаковать Верховный Совет боевого обеспечения не было. Верховный главнокомандующий, он же президент, едва ли знал, что это такое.

События развивались странно. С Девятинского я оправился в редакцию «Нового мира». И уже днем, помню, кто-то принес в редакцию образцы разных документов из бюро пропусков Верховного Совета Российской Федерации. По первому этажу ходили досужие люди. «Красная Бастилия» пала. Можно приступать к ликованиям, но почему же пальба шла до позднего вечера? Председатель Верховного Совета Российской Федерации и его ближайшие сторонники были арестованы где-то к вечеру, часу в шестом. Стало быть, крошили не ближайших сторонников? Кого? Над зданием Верховного Совета еще в одиннадцатом часу вечера летали трассирующие очереди крупнокалиберных пулеметов. Попробовал пройти, понимал, что событие историческое, хорошо бы узнать до отхода поезда, кого там все еще добивали? Не узнал. Уже по Садовому кольцу стояло оцепление, и все въезды-выезды загорожены мощными грузовиками. Кого бьют, не ваше дело! Надо будет — скажут. Но президент говорил уклончиво, о жертвах смолчал, благоразумно молчала и его дружина, исполнявшая преступный приказ.

Не просочились ни в свободную российскую прессу, ни в еще более свободную зарубежную сведения о пресс-конференции для наших и зарубежных журналистов, устроенной председателем ВС Русланом Хасбулатовым в последние часы пребывания в осаде Верховного Совета.

Участников пресс-конференции пропускали на Садовом кольце через оцепление по списку в какой-то тетрадке. Верховный Совет хотел быть услышанным. Но демократы, защищавшие демократию от Верховного Совета, устроили «звуковую завесу», чтобы и крика из заблокированного парламента не донеслось наружу. В оцеплении стояли агитброневики с мощными динамиками, солдаты их звали «желтый Геббельс». Гремел тяжелый рок! Я спросил солдатика у броневика: «Не оглох?» — «Чего, чего?» — переспросил все-таки оглохший солдат.

Откуда мне известно об этой не отмеченной в хронике событий пресс-конференции? Да я на ней был, в том самом зале с огромными окнами, обращенными к гостинице «Украина». Проник на фуфу, по писательскому билету, хотя пускали только отборных журналистов, и они не подвели. Видел и слышал генерала Руцкого, вбежавшего в черном плаще в зал с радиотелефоном в руке и с криком: «Слушайте, они отдали приказ стрелять!» Вскоре издали донеслись автоматные очереди. Стреляли недолго, но журналистов как ветром сдуло. Еще подумал, побежали жгучую новость сообщать. Ничего подобного. Побежали молчать! Нигде ни звука, ни о пресс-конференции, ни о стрельбе. Не видел бы всего своими глазами, не слышал бы своими ушами, так и не знал бы, как бывшие коммунисты кончали власть Советов.

Куда же смотрела в это время мадам (или все еще мадмуазель?) Клио. Это у богини правосудия Фемиды, второй законной жены Зевса, глаза завязаны, а этой-то, кто мешал видеть и помнить? После этих дней в Москве, разумеется, подумалось: сколько же рассеянная Клио проглядела за сотни-то лет столь же знаменательных и громких событий? Кровавых.

Много времени спустя сквозь зубы победители сообщили, что 2—3 октября было убито 158 человек, ранено 423. Поди проверь! Мы помним, как триумфально в августе 1991 года хоронили троих борцов за демократию. А этих 158 где-то тихой закопали. Как признался врач из морга, в эти дни поступали в основном люди в стоптанной обуви... И кто же за эту бойню ответил? Снова «победителей»

не судят и даже не осуждают. Перебить полторы сотни граждан, до полтысячи поувечить, эко дело! А вот как удалось при этом выиграть еще и «битву за историю», заставить ее закрыть глаза и молчать — вот опыт, достойный изучения.

Когда все шито-крыто, можно позаботиться и о приличном месте в Царствии Небесном для организаторов, исполнителей и пожинателей сочных плодов антиконституционного переворота, чуть приправленных кровью. В № 24 «АиФ» за 2017 год появилось интереснейшее высказывание вдовы первого демократически избранного Президента РФ. «По-моему, — призналась Наина Иосифовна Ельцина, — 90-е годы надо признать не лихими, а святыми и поклониться тем людям, которые жили в то сложное время, которые создавали и строили новую страну в тяжелых условиях, не потеряв в нее веру». Комментарий редакции вполне демократического высокотиражного еженедельника краток и убедителен: «Похоже, в 90-е многие читатели „АиФ“ жили с уважаемой Наиной Иосифовной в разных Россиях...»

Действительно, Россия была «одна на всех», когда народ призвали ее спасти, а когда начали в «святые годы» делить, на всех, как всегда, не хватило.

Свое слово в «битве» за историческую справедливость сказал и первый, он же и последний Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев: «Я бы хотел сказать то, что я сказал. Вот и тут, в Москве, и там, в Киеве, и на Западе, и на Востоке, вот надо то, что произошло, принять, крепить, строить, выстраивать, все институты должны работать. И не надо тащить дохлых собак и кошек за все или 300, или 400, или 500 лет».

Здесь, как говорится, не прибавить и не убавить. Каждый борется за историческую правду, как умеет, доступными ему средствами.

Так что хотим мы этого или даже не хотим, но битва за историю, самая продолжительная, самая хитроумная, где «свои» и «чужие» — понятие зыбкое, переменчивое, эта битва не затихает. Скажут, слава богу, что она бескровная. Увы, частенько это «авангардные бои», идеологическая «разведка боем», а что там за ней последует, кто же скажет.

Прав был Александр Иванович Герцен: «Пути вперед не назначено, его надобно прокладывать». И хорошо бы нам самим различать, водят ли нас в трех соснах или заманивают ловко выстроенными огоньками в болото.

Говорят, в первый день творения Бог отделил свет от тьмы. Стало быть, до этого свет и тьма были ОДНО! А потом Бог твердь отделил от хляби, стало быть, они тоже были ЕДИНЫ!

Не этот ли первозданный труд возложен и на каждого из нас?

Осталось только понять — где свет, а где иллюминация, бенгальские огни, где твердь земная, а где «поле чудес», хлябь болотная.